

Я.В. Мищенко

**АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН
В МЕЖДУНАРОДНОМ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ РОССИИ
В XXI ВЕКЕ**

Аннотация. В статье приведен комплексный анализ современного международного энергетического сотрудничества, которое Россия развивает в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Основой анализа послужили действующие и новейшие официальные стратегии России в области энергетики – «Энергетическая стратегия России на период до 2030 года» и «Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года», а также «Доклад о реализации энергетической стратегии России на период до 2030 года» от 2018 г. В статье изучается роль энергетического сотрудничества с АТР в общей концепции международного энергетического сотрудничества России в этот период. Проводится критический анализ современной Энергостратегии РФ до 2035 г., делается вывод, что хотя документ и носит комплексный и всеобъемлющий характер, однако сосредоточивает основной фокус внимания на расширении сбыта за рубеж российских углеводородов. При этом обходится проблема истощения запасов российских углеводородов, которое может начаться в сфере нефти уже примерно через 25 лет. На основании статистического анализа современных внешнеэкономических связей России в области энергетики выделены ее ключевые страны-партнеры в данной области. Показано, что страны Европы и СНГ по-прежнему остаются важными направлениями экспорта российских углеводородов, однако страны АТР стремительно наращивают свою долю в структуре импортеров российских энергоресурсов. Однако пока их удельный вес в поставках из России превышает показатели стран Европы только по одному виду углеводородов – по поставкам сжиженного природного газа (СПГ). Выявлены различные аспекты диверсификации международного энергетического сотрудничества России на восточном направлении. В статье также приведен обзор важнейших современных целей и задач российской энергетической политики и дипломатии в АТР, а также возникающих проблем на пути их реализации.

Ключевые слова: Россия; Япония; Китай; Южная Корея; энергетика; энергетическое сотрудничество; доказанные запасы энергоресурсов.

Мищенко Яна Вадимовна – кандидат экономических наук, старший преподаватель факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

(МГУ им. М.В. Ломоносова), старший научный сотрудник
Института Дальнего Востока Российской академии наук (ИДВ РАН).
E-mail: yanamischenko@gmail.com

Ya.V. Mishchenko. The Asia Pacific Region in Russia's International Energy Cooperation in the 21st Century

***Abstract.** The article presents a comprehensive analysis of today's international energy cooperation which Russia is developing in the Asia-Pacific region. The paper draws on the current and latest official Russian energy strategies – «Energy Strategy of Russia for the period up to 2030» and «Energy strategy of the Russian Federation for the period up to 2035» as well as «Report on the implementation of the Energy Strategy of Russia for the period up to 2030» of 2018. In the focus is the role that the Energy strategy of Russia attaches to the energy cooperation with the Asia-Pacific region within the context of overall country's policy in energy-related matters.*

A critical analysis of the current Energy Strategy of the Russian Federation until 2035 shows that although this document is complex and comprehensive, it focuses mainly on the expansion of sales of Russian hydrocarbons abroad and overlooks the issues of finding ways to prevent the depletion of Russian hydrocarbon reserves, which may begin in the oil sector in about 25 years from now. Drawing on statistical analysis of today's foreign trade relations of Russia in the field of energy, the author identifies its key partners in this area, the countries of Europe and the CIS still being the most important destinations of export of Russian hydrocarbons. At the same time, the Asia Pacific countries are rapidly increasing their share. Still, so far only one type of hydrocarbons in their share of supplies from Russia exceeds the indicators of European countries, this being liquefied natural gas (LNG). Described are various aspects of diversification of Russia's international energy cooperation in the Eastern direction as well as the current goals and objectives of Russian energy policy and diplomacy in the Asia-Pacific region.

***Keywords:** Russia; Japan; China; South Korea; energy; energy cooperation; proved energy reserves.*

Mishchenko Yana Vadimovna – Candidate of Economic Sciences,
Senior Lecturer, Faculty of Global Studies
of Lomonosov Moscow State University (MSU); Senior Researcher,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy
of Sciences (IFES RAS), Moscow. E-mail: yanamischenko@gmail.com

Введение

Спрос на энергоресурсы многих стран Азиатско-Тихоокеанского региона в XXI столетии неуклонно возрастает, некоторые страны из нетто-экспортеров топлива трансформируются в нетто-импортеров (например, Китай). Несоответствие предложения энергоресурсов спросу на них может стать одной из серьезных проблем и факторов осложнения энергетической ситуации

в АТР. Внутри региона остается все меньше стран, которые могли бы обеспечивать растущие потребности в энергетическом сырье и продукции другие государства региона, масштабный импорт энергоресурсов с Ближнего Востока традиционно вызывает опасения (в частности, у Японии) после энергетических кризисов 1970-х годов. Эти опасения адресованы также к гарантиям безопасности маршрутов транспортировки энергоносителей из Ближнего Востока в страны АТР. В этой ситуации энергетическое сотрудничество с географически близко расположенной Россией, в частности энергопоставки из месторождений российского Дальнего Востока и Сибири, представляются реалистичным решением возможных энергетических затруднений АТР. Факторы, обуславливающие взаимодополняемость сторон в этой области, – географическая близость, богатые энергосырьевые запасы России¹ и высокий уровень спроса на энергоресурсы в странах АТР – все это делает сотрудничество в сфере энергетики потенциально выгодным и перспективным. Россия также заинтересована в расширении энергетических связей с государствами АТР. Это утверждение подтверждается анализом официальных правительственных документов, касающихся развития отечественной энергетики.

Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2030 г. и до 2035 г.: Место и роль стран АТР в развитии внешнего энергетического сотрудничества

Для определения степени заинтересованности России в наращивании энергетического сотрудничества со странами АТР проанализируем два наиболее актуальных официальных документа в области энергетики Российской Федерации: «Энергетическую стратегию РФ на период до 2030 г.» и «Энергетическую стратегию РФ на период до 2035 г.».

В первом документе зафиксированы следующие важные аспекты и задачи.

1. Планы диверсификации структуры энергетического экспорта, повышение в ней удельного веса продукции с более высокой добавленной стоимостью (продукты нефте- и газохимии, нефтепереработки, СПГ, электроэнергия).

2. Намерение диверсифицировать географию экспорта энергоносителей, «разбавив» традиционное западное направление энергетическими рынками стран АТР (Япония, Южная Корея, КНР и другие страны), увеличить долю

1. Причем значительные запасы российских энергоресурсов сконцентрированы в Сибири (например, 64% угольных ресурсов) и на Дальнем Востоке (30% угольных ресурсов; суммарно в Сибири и на Дальнем Востоке до 95% пригодного для освоения урана), т.е. в непосредственной транспортно-логистической близости от азиатских стран АТР.

нефти на восточном направлении экспорта нефти и нефтепродуктов с 6 до 22–25%, природного газа – с 0 до 19–20%;

3. Строительство нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО) с пропускной способностью 80 млн т нефти в год.

4. В стратегии развития газовой промышленности до 2030 г. планируется формирование и расширение Сахалинского центра газодобычи на базе шельфовых месторождений «Сахалин-1» и «Сахалин-2» и разработки проектов «Сахалин-4,5,6». Будет проектироваться система газопроводов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке для осуществления поставок газа в страны АТР, прежде всего в Южную Корею и Китай, с возможным подключением к единой системе газоснабжения при экономической эффективности данных действий.

5. Расширение транспортировки СПГ в АТР. Россия, осуществляя экспорт газа преимущественно на основе долгосрочных контрактов, стремится сохранить объем поставок на европейские рынки и увеличить в разы экспорт в восточном направлении (Китай, Япония, Республика Корея). На базе завода по производству сжиженного природного газа на о. Сахалин начнется экспорт российского СПГ в страны АТР.

Можно сделать вывод, что восточный вектор (государства АТР) является одной из приоритетных современных задач диверсификации направлений российского энергетического сотрудничества – в Энергетической стратегии–2030 это отчетливо прослеживается.

Второй этап реализации данной Энергостратегии охватывает период 2016–2022 гг. О том, насколько к концу 2018 г. удалось выполнить поставленные в этом документе задачи, можно судить по Докладу о реализации Энергетической стратегии России на период до 2030 г. по итогам 2018 г. Так, в этом документе отмечается, что «доля стран Азиатско-Тихоокеанского региона в структуре российского экспорта (энергоносителей) составила 8,9% (7%). Целевое значение первого этапа 11–12% и второго этапа 16–17% не достигнуто, однако наблюдается в целом положительная динамика данного индикатора».

Доля СПГ (который экспортируется Россией на восточном направлении) в структуре экспорта составила на конец 2018 г. 10,8% (7%). Этот показатель находится в границах целевого диапазона второго этапа (10–11%), таким образом, динамика положительная [Доклад о реализации 2018, с. 9].

Подтверждены планы расширения трубопроводной системы ВСТО на участке «Тайшет – Сковородино» до 80 млн т в год и на участке «Сковородино – порт Козьмино» до 50 млн т в год для обеспечения российских НПЗ и экспорта нефти в Китай [Доклад о реализации 2018, с. 37].

Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 г. разрабатывалась уже в период активного действия «санкционной войны»

между странами Запада и Россией, и эти новые реалии нашли свое определенное отражение в этом документе. В частности, в нем ставится задача обеспечить недискриминационный и благоприятный режим деятельности российских энергетических компаний на мировых рынках. Помимо этого в документе нашла свое отражение значимость евразийской интеграции в проекции на энергетическую сферу. В Энергостратегии отмечается, что необходимо формирование общих рынков энергоносителей Евразийского экономического союза с общими принципами регулирования энергетики, обеспечивающими свободное движение энергоносителей, энергетических услуг и технологий, а также инвестиций в энергетический сектор, нужна также интеграция электроэнергетики в Едином экономическом пространстве ЕАЭС [Энергетическая стратегия 2035, с. 27, 48]. Помимо этого упоминается важность развития энергетической деятельности РФ в Арктике.

Энергетическая стратегия до 2035 г. ставит конкретные задачи относительно развития сотрудничества со странами АТР. Так, отмечается, что для развития угольной отрасли необходимо сохранение достигнутого уровня и, при возможности, значимое увеличение экспорта угля более чем на треть, прежде всего в страны АТР. Впрочем, на этом направлении уже есть конкретные успехи: если внутреннее потребление угля с 2008 г. сократилось на 10%, то его экспорт увеличился в 1,7 раз. Осуществлен выход на новые рынки стран АТР, особенно существенный на рынки Китая, а также в Индию и Малайзию [Энергетическая стратегия 2035, с. 24, 25].

В сфере природного газа отмечается необходимость диверсификации его экспорта, в том числе на основе увеличения производства СПГ в 5 и более раз (с 14 до 74 млрд м³), и увеличение поставок газа, в том числе СПГ, на рынок АТР в 8–9 раз (с 14 до 128 млрд м³). В документе уточняется, что на мировом рынке газа общая тенденция переноса центра потребления энергоресурсов (и вообще экономического роста) в АТР проявляется еще сильнее, чем на рынке нефти. Если Европа идет по пути снижения потребления углеводородов и обретения максимально возможной энергетической независимости за счет диверсификации источников поставок и развития возобновляемой энергетики, страны АТР охвачены волной новой индустриализации и увеличивают спрос на энергоресурсы [Энергетическая стратегия 2035, с. 21]. Этой тенденцией и намерена воспользоваться в ближайшие годы Россия, нарастив экспорт своего природного газа и других энергоресурсов на восточном направлении. Энергостратегия–2035 в контексте взаимодействия со странами АТР отмечает следующее: «В обозримой перспективе растущим рынком нефти и природного газа, в том числе в виде СПГ, будут страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Это открывает новые возможности для российского ТЭК, но требует больших инвестиций в развитие соответствующей энерготранспортной

инфраструктуры. При этом спрос на быстрорастущем рынке АТР создает возможность увеличить к 2035 г. экспорт нефти из Российской Федерации в этом направлении в 1,8–2,2 раза, а природного газа – в 8–9 раз. В прогнозном периоде в условиях серьезной конкурентной борьбы окажутся на внешних рынках и отдельные виды российских нефтепродуктов. В частности, на сокращающемся европейском рынке многократно уменьшится потребность в российском мазуте. А на Азиатско-Тихоокеанском рынке нефтепродуктов российская рыночная ниша в рассматриваемый период останется незначительной. Перспективный китайский рынок уже к 2018–2020 гг. сможет полностью покрыть потребность в топливе и существенно снизить импорт сырья для нефтехимии за счет собственных НПЗ. Дополнительное давление на рынках нефтепродуктов Азии окажут значительные свободные (учитывая снижающийся спрос на нефтепродукты в развитых странах Азии) перерабатывающие мощности на территории Японии, Южной Кореи и других стран АТР» [Энергетическая стратегия 2035, с. 8, 9]. В целом, что касается нефтяной отрасли, то Энергостратегия–2035 ставит целью увеличить объемы и диверсификацию внешних и внутренних поставок жидких углеводородов, в том числе увеличить в 2 раза поставки нефти на рынки АТР (с 51 до 110 млн т) [Энергетическая стратегия 2035, с. 17].

В документе оцениваются риски, с которыми страна сталкивается и будет сталкиваться в энергетической сфере, и формулируется стратегия развития в условиях обозначенных вызовов и угроз: «Энергетический сектор России сталкивается с рядом вызовов и угроз. Перспективы наращивания энергетического экспорта на европейском направлении сужаются по причине ограниченного спроса, а возможный прирост на азиатском направлении ограничен вследствие недостаточности экспортной инфраструктуры и необходимости масштабных инвестиций в ее развитие. Возникшие при девальвации рубля в 2014 г. конкурентные преимущества российских энергоресурсов нивелируются в течение нескольких лет за счет высокой стоимости капитала и ограничений доступа к внешним инвестициям и технологиям. Все это требует радикального повышения гибкости экспортной политики, продуктовой и географической диверсификации поставок и, главное, существенного снижения издержек российских компаний.

Тем не менее некоторые изменения на мировых энергетических рынках создают для России и новые возможности. В частности, рост энергопотребления в развивающихся странах Азии в сочетании с выходом их на пределы собственной добычи угля может привести после 2025 г. к значительному росту их потребности в импорте энергоресурсов – в первую очередь природного газа и угля, а также создаст дополнительное повышательное давление на цены» [Энергетическая стратегия 2035, с. 9].

Таким образом, Энергостратегия–2035 весьма сильно фокусируется на поиске новых возможностей для сбыта российских энергоносителей на мировых рынках, ставя при этом задачу диверсификации географической структуры экспорта российского энергетического экспорта с существенным ростом доли рынка стран АТР. В числе приоритетов государственной энергетической политики обозначается, в том числе, развитие энергетической инфраструктуры Восточной Сибири и Дальнего Востока, обеспечивающее ускоренный рост российской экономики и увеличение экспорта энергоносителей в страны АТР [Энергетическая стратегия 2035, с. 14].

Так как это не первая принятая на государственном уровне Энергостратегия, то она ставит целью работать в обозначенных направлениях, в том числе в АТР, не «с нуля», а на основании уже достигнутых по итогам предыдущих лет результатов. В частности, подытоживается, что уже введены в эксплуатацию первая и вторая очереди трубопроводной системы ВСТО (до порта Козьмино), нефтепровод «Сковородино – Мохэ – Дацин» (в КНР) [Энергетическая стратегия 2035, с. 16].

Геополитика трубопроводов и соединений энергосистем на восточном направлении

Все больше современных энергетических инфраструктурных проектов России ориентированы на азиатские страны АТР. Масштабный проект строительства трубопроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО) проектируется таким образом, чтобы обеспечить доступ российским энергоносителям на энергетические рынки стран Азии. Нефтепровод ВСТО соединяет нефтяные месторождения Западной и Восточной Сибири с тихоокеанским портом Козьмино, имеет ответвление в районе Сковородино до китайского Дацина. В начале 2000-х годов Япония и Китай конкурировали, лоббируя наиболее выгодный для себя маршрут этого нефтепровода. Некоторые японские бизнесмены – представители участвующих в российских энергетических проектах японских холдингов и торговых домов отмечали, что в этой «гонке лобби» Япония посчитала издержки для себя слишком высокими и перестала претендовать на строительство дополнительной ветки ВСТО в сторону Японии. Тем не менее это не исключает закупок Японией нефти, отгружаемой с терминала Козьмино. Россия также не стремится ориентировать весь проект исключительно на китайских потребителей: целесообразно иметь в АТР не одного основного покупателя энергоносителей, а диверсифицированную, хорошо сбалансированную корзину покупателей. Тогда Россия сможет не только полномасштабно выйти на энергетические рынки АТР, но также стабильно закрепиться на них.

Россия также выказывала заинтересованность к созданию соединений энергосистем с Японией. Например, в начале 2000-х годов российское правительство предлагало Японии организовать передачу электроэнергии посредством строительства энергомоста Хабаровский край – Сахалин – Япония с прокладкой подводного кабеля. Глава РАО ЕЭС предложил японской стороне план строительства на Сахалине двух электростанций, работающих на сжигании угля и природного газа, электроэнергия с которых направлялась бы в Японию по проложенному по морскому дну кабелю. Проект «Энергомост» оценивался примерно в 12 млрд долл. Причем, по предварительным расчетам, сахалинская электроэнергия была бы в 3 раза дешевле, чем производимая на территории Японии [Zaitsev 2000, p. 45]. Существование подобного энергомоста на момент аварии на АЭС «Фукусима-1», когда в стране были заглушены практически все действующие станции (вклад которых в национальную электрогенерацию составлял порядка трети), могло бы смягчить проблему дефицита электроэнергии в Японии. России такой проект тоже выгоден, так как привлек бы значительные капиталовложения. Сфера и регион приложения этих инвестиций – энергетическая отрасль Восточной Сибири и Дальнего Востока. Это подразумевает получение доступа к передовым японским энергетическим технологиям, поставки современного оборудования, обучение кадров и передачу управленческого опыта, что способствовало бы общей модернизации отечественной энергетики. Кроме того, были бы созданы дополнительные рабочие места в энергетике и строительстве сопутствующих инфраструктурных объектов в восточных регионах России.

Однако Япония и после аварии на «Фукусиме» в ситуации остро обозначившей себя энергетической уязвимости не стала возвращаться к рассмотрению данного проекта. Вероятно, это в значительной степени объясняется тем, что все электроснабжение страны осуществляется в каждом регионе своим частным региональным оператором электрогенерирующих мощностей, следовательно, обеспечение электричеством каждого региона фактически имеет своего рода замкнутую структуру – региональная компания-оператор осуществляет производство электроэнергии и, по сути, ответственна за ее передачу, распределение и поставку конечному потребителю. Ввиду такой системы организации электроснабжения в Японии сформировались определенные технические особенности снабжения регионов электроэнергией. Так, разные регионы работают на разной промышленной частоте тока. На практике это означает, что в случае возникновения дефицита электроэнергии в одном регионе (как случилось в 2011 г. после аварии на АЭС «Фукусима-1») другим регионам может оказаться затруднительно организовать быстрый переброс недостающих объемов электричества из-за своего рода технической несовместимости и некомплементарности ЛЭП. Таким образом, энергомост, протянутый из России на самый северный японский остров Хоккайдо, на практике

не окажет заметного содействия в перебросе и распределении российской электроэнергии по всей стране, на центральный остров Хонсю, который пострадал от приостановки атомных мощностей и где расположен основной «индустриальный пояс» страны.

Упомянем еще несколько предложенных проектов прокладки трубопроводов, по которым российские энергоресурсы в перспективе могут поступать на рынки АТР. Это линия «Ямал – Китай»², к которой при достижении определенных соглашений предпочтительным и возможным считается присоединение Японии и Южной Кореи (с пролонгацией маршрута). Также это проект «Саха – газ», подразумевающий прокладку газопровода из Якутии в Южную Корею. Согласно оценкам экспертов, ежегодно Якутия может поставлять в Корею до 45 млрд м³ природного газа. Также следует назвать трубопровод «Ковыкта – Китай». В конце 1990-х – начале 2000-х годов газу с ковыктинского месторождения прочили следующее применение на азиатских рынках: на китайском побережье построить терминал для сжижения его и дальнейших поставок в Южную Корею, Японию, на Тайвань; проложить подводный трубопровод в Южную Корею.

Корейское направление прокладки трубопроводов давно интересует Россию. Однако Южная Корея не спешит согласовывать маршрут газопровода по территории КНДР, и стороны рассматривают альтернативный морской маршрут. Отметим, что строительство морского газопровода может быть более дорогостоящим проектом. Тем не менее Россия хотела бы поставлять газ в Южную Корею не только танкерами, но также через трубопровод. Во-первых, потому что Южная Корея – крупный потребитель природного газа, характеризующийся высоким спросом на этот энергоноситель. Во-вторых, потому что в АТР установились привлекательные цены на природный газ (выше, чем в Европе), однако в соответствии с ранее заключенными контрактами Россия поставляет СПГ в Южную Корею дешевле, чем это представляется возможным в нынешней рыночной конъюнктуре. Запуск газа по трубопроводу позволил бы пересмотреть цены поставок в выгодную для России сторону. Южная Корея, вероятнее всего, заинтересована в увеличении импорта российского природного газа. По мнению американского ученого Кента Калдера, энергетический рынок корейского полуострова обладает значительным потенциалом расширения использования этого вида топлива, привлекательного с точки зрения эффективности использования и незначительного воздействия на экологию. Так, в 2005 г. только 12% первичных

2. Газпром на саммите АТЭС в 1998 г. объявил о планах строительства газопровода, соединяющего Сибирь и китайский Шанхай (линия Ямал – Томск – Барнаул – Урумчи – Шанхай протяженностью около 7100 км). Также был предложен альтернативный маршрут через Иркутск.

энергоресурсов Кореи составлял газ (для сравнения – 21% в Германии, 26% – в США) [Calder 2005, p. 31]. Поэтому для обеих Корей представляется весьма логичным импортировать газ из близрасположенной России.

Наконец проектируются линии передачи электроэнергии (пока не с Японией, но с другими странами АТР), подразумевающие использование потенциала российской гидроэнергетики. Китай, с 1992 г. импортирующий электроэнергию из граничащего Амурского региона, в конце 1990-х годов изучал маршрут прокладки специального кабеля, по которому произведенная на российских ГЭС электроэнергия передавалась бы в Китай. Рассматривались альтернативные маршруты через Монголию. Одним из рассматриваемых проектов стала линия «Братск – северо-восток Китая» [Zaitsev 2000, p. 49].

Современные объемы торговли российскими энергоресурсами в АТР

Возможности внешней торговли российскими энергоресурсами определяются, прежде всего, их запасами на территории страны (см. табл. 1).

Таблица 1

ДОКАЗАННЫЕ ЗАПАСЫ УГЛЕВОДОРОДОВ В РОССИИ, 2018 г.

	<i>Объем</i>	<i>Доля в общемировых запасах, %</i>	<i>Коэффициент кратности запасов (R/P ratio), количество лет</i>
Нефть	106,2 млрд баррелей / 14,6 млрд т	6,1	25,4
Природный газ	38,9 трлн м ³	19,8	58,2
Уголь	160 364 млн т (включая 69 634 млн т антрацитного и битуминозного угля и 90 730 млн т суббиту- минозного и бурого угля)	15,2	364

Составлено по: [ВР 2019, p. 14, 30, 42].

Россия – это обладатель значительных (но не самых больших в мире) доказанных запасов нефти. Опережают страну по этому показателю страны Ближнего Востока (Саудовская Аравия – 17,2% мировых запасов, Иран и Ирак – 9% и 8,5%), Венесуэла (17,5% мировых запасов), Канада (9,7% мировых запасов). Коэффициент кратности запасов показывает, на какое количество лет при существующем уровне добычи хватит той или иной стране имеющихся в ее распоряжении доказанных запасов углеводородного сырья. В 2018 г. этот показатель, рассчитанный по доказанным запасам нефти, составил для России более 25 лет. Это далеко не самый высокий показатель: так, аналогичные расчеты для других государств показывают, что Канаде

имеющихся у нее доказанных запасов нефти хватит более чем на 88 лет, Казахстану – на 42,7, ОАЭ – на 68, Ирану и Ираку – на 90,4 и 87,4, Кувейту – на 91,2, Йемену – на 121,4, Сирии – на 284,8 лет. Впрочем, есть и более тревожные показатели – Индонезии и Малайзии запасов нефти хватит на 10,7 и 12,1 года, Китаю – на 18,7, Норвегии – на 12,8, США – на 11 лет [ВР 2019, р. 14]. Тем не менее следует признать, что если за эти два с половиной десятилетия в нашей стране не будут найдены и разведаны новые нефтяные месторождения или же страна не приступит к добыче, например, сланцевой нефти, то уже при жизни нынешнего и следующего поколений страна может столкнуться с определенным кризисом в данной сфере. Значение этого коэффициента необходимо учитывать, в том числе при планировании внешней торговли производимой в России нефтью и нефтепродуктами.

Россия обладает крупнейшими в мире доказанными запасами природного газа – на нее приходится самая большая доля (почти одна пятая общемировых запасов). Иран и Катар (16,2% и 12,5%) обладают меньшими, но более-менее сопоставимыми объемами запасов; остальные страны, даже богатые природным газом, обладают значительно меньшими его объемами на своих территориях. При этом анализ коэффициента кратности запасов природного газа за 2018 г. показывает, что хватит его нашей стране при существующем уровне добычи на немногим более 58 лет. По сравнению с ситуацией в нефтяной сфере в газовой сфере ситуация выглядит гораздо более благоприятной. Все остальные страны обладают меньшими, чем Россия, доказанными запасами природного газа. Однако межстрановые сопоставления позволяют прийти к тревожным выводам. Так, Венесуэле обладающей 3,2% мировых запасов природного газа, его хватит на 190,7 лет, Азербайджану (1,1% мировой доли) – на 113,6, Туркменистану (9,9% мировых запасов) – на 316,8, Ирану – на 133,3, Ираку – на 273,8, Катару (12,5% мировых запасов) – на 140,7 лет. Однако в газовой сфере показатели России не самые худшие, хуже обстоят дела в США (6% мировых запасов, 14,3 года), в Саудовской Аравии (3% мировых запасов, 52,6 лет), Китае (3,1% мировых запасов, 37,6 лет) [ВР 2019, р. 30].

Статистические данные за 2018 г. показывают, что Россия обладает вторыми в мире по объему крупнейшими доказанными запасами угля после США (23,7% общемировых запасов). По этому показателю она опережает такие угледобывающие страны, как Австралия (14%), Китай (13,2), Индия (9,6%). При нынешнем уровне производства угля России хватит имеющихся у нее запасов на 364 года. Это сопоставимо с прогнозами для США (365 лет), превышает показатели Австралии (304 года), Германии (214), Польши (216), Индии (132), Китая (38 лет). Очевидно, что России хватит угля на весьма долгосрочную перспективу, он извлекается из земных недр достаточно рационально и потребляется относительно умеренно. Вероятно, это связано с тем,

что уголь считается одним из грязнейших источников энергии и его масштабное использование не приветствуется с точки зрения защиты экологии. Разумеется, сейчас разрабатываются чистые угольные технологии, однако даже в работе ТЭЦ многие страны предпочитают переходить на использование природного газа, постепенно отказываясь от угля именно по соображениям минимизации вредных выбросов в атмосферу.

Итак, анализ новейших статистических данных показывает, что Россия является одним из мировых лидеров по объемам доказанных запасов различных углеводородов. Вместе с тем при жизни нынешнего поколения запасы некоторых из них могут начать истощаться. Этот фактор несомненно должен учитываться при формулировании задач внешней торговли энергоносителями, потому что именно доказанные запасы энергоносителей являются основой, формирующей экспортный потенциал российского ТЭК. Между тем в «Энергетической стратегии России на период до 2035 года» – официальном документе, определяющем цели и задачи развития российского ТЭК и энергетической политики страны, заметно мало внимания уделяется проблеме истощения существующих запасов углеводородов. В «Энергетической стратегии–2035» сказано, что «Россия располагает крупнейшей ресурсной базой, способной обеспечить нужды страны и рациональный экспорт топлива, по меньшей мере, до середины XXI века». Исходя из формулировки, «середина XXI века» позиционируется как достаточно длительный срок, хотя на самом деле в масштабах развития целой энергетической отрасли и всей экономики государства срок этот достаточно тревожный. Так как в числе внутренних проблем и ограничений, с которыми может столкнуться энергетика России в указанный период, в документе выделено потенциальное «ухудшение ресурсной базы топливных отраслей по мере истощения действующих месторождений, снижение размеров и качества новых геологических открытий, что увеличивает капиталоемкость освоения сложных и удаленных провинций» [Энергетическая стратегия 2035, с. 6], можно сделать вывод, что в Министерстве энергетики и Правительстве РФ понимают сложившуюся ситуацию. Однако документ, несмотря на всеобъемлющий и комплексный характер, тем не менее не предлагает решений данной проблемы. Ставится задача наращивать экспорт энергоресурсов на мировые, в частности азиатские энергетические рынки, но не приводится обоснование, не истощит ли это еще быстрее доказанные запасы углеводородов в стране, не приведет ли это к расточительной их добычи для масштабной продажи за рубеж. Эти опасения представляются не пустыми. Есть пример КНР, которая в XXI в. из чистого экспортера энергоресурсов постепенно превращается в их импортера. Еще в 1980-е годы снабжавший энергоресурсами соседние страны Восточной Азии Китай (в частности, Японию), теперь сам конкурирует на мировых энергетических рынках за стабильный и долгосрочный доступ к закупкам углеводородов. Не ждет ли

Россию такая же траектория развития национальной энергетики при принятой программе ее развития, в которой основной акцент делается на экспорт энергоресурсов? «Энергостратегия–2035» обходит этот сложный и важнейший вопрос. Однако Китай по мере истощения запасов углеводородов и превращения в импортера энергоресурсов становится второй экономикой мира, обладающей достаточным капиталом, чтобы приобретать недостающие энергоресурсы на мировых энергетических рынках, и передовой технологической базой, чтобы разрабатывать и создавать новые источники энергии (в частности, КНР, в отличие от России, уже сейчас прорабатывает возможность развития сланцевых углеводородов). Экономический же рост и темпы технологической модернизации нашей страны все же несопоставимы с китайской моделью развития и сложно сказать, будем ли мы обладать такими же возможностями в области капитала и технологий, чтобы без вреда для социально-экономического развития возмещать дефицит углеводородов, если он наметится. Следует добавить, что экспортные возможности российского ТЭК неминуемо будут сокращаться.

«Энергостратегия–2035» отмечает, что «большой импульс развитию ТЭК может дать освоение природных ресурсов на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири и создание там ориентированных в основном на экспорт крупных топливных баз». Помимо этого ставится цель «укрепления международного сотрудничества в Арктике, направленного на обеспечение экономически выгодного и экологически безопасного освоения морских нефтегазовых ресурсов региона; развитие Северного морского пути для доставки добываемых в Арктике энергоресурсов на международные рынки» [Энергетическая стратегия 2035, с. 6, 49]. Эти задачи могут рассматриваться как возможные способы решения будущей проблемы истощения имеющихся углеводородных месторождений – через разработку новых, расположенных в восточной части страны и в Арктике, за часть территорий которой Россия еще борется в международных инстанциях. Однако, как видно из приведенных цитат, обе эти задачи увязываются с расширением экспорта углеводородов и не рассматриваются непосредственно в контексте выработки пакета конкретных мер по недопущению истощения углеводородных запасов страны. Таким образом, представляется, что данная сфера остается недостаточно охваченной «Энергостратегией–2035». Действительно, вряд ли имеющиеся запасы истощатся до указанной даты – 2035 г. Однако оставшихся после этой даты пятидесяти лет может оказаться недостаточно для выработки решения проблемы истощения ресурсной базы. Уже сейчас необходимо выработать конкретную стратегию и формулировать меры по предотвращению возможного кризиса в этой важнейшей для страны сфере.

Так как действующая «Энергостратегия–2035» в значительной степени нацелена на наращивание торговли России энергоресурсами, рассмотрим

**АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН В МЕЖДУНАРОДНОМ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ РОССИИ В XXI ВЕКЕ**

современную ситуацию на этом направлении и новейшие актуальные тенденции. Статистические данные за 2018 г. по внешней торговле России основными углеводородами представлены в таблице 2.

Таблица 2

ЭКСПОРТ РОССИЙСКИХ УГЛЕВОДОРОДОВ, 2018 г.

<i>Направление экспорта</i>	<i>Сырая нефть, млн т</i>	<i>Нефтепродукты, млн т</i>	<i>Трубопроводный газ, млрд м³</i>	<i>СПГ, млрд м³</i>	<i>Уголь, млн т нефтяного эквивалента</i>
Канада	0,2	0,6		0,1	
Мексика		0,1			
США	3,6	14,5 (8,4%)			
Южная и Центральная Америка	3,6	2,1			
Аргентина				0,1	
Бразилия				0,2	
Европа	153,3 (55,5%)	112,5 (65%)	193,8 (86,9%)	6,8 (27,3%)	66 (48,5%)
Бельгия				0,8	
Франция			8,9 (4%)	1,5	
Германия			55,3 (24,8%)		
Италия			25,4 (11,4%)		
Испания				0,9	
Нидерланды			7,4 (3,3%)		
Великобритания			4,4 (2%)	1,7	
Остальные страны ЕС			67,1 (30%)	2	
Остальные страны Европы			2,6 (1,2%)		
Турция			22,8 (10,2%)		
Страны СНГ	18,5 (6,7%)	8,9 (5,1%)	29,2 (13%)		2,2
Ближний Восток	1,4	1,3			1,7
Египет				0,3	
Африка		5,2		0,3 (включая Ближний Восток)	2,4
Австралия	0,3				
Китай	71,6 (26%)	2,3		1,3 (5,2%)	17,1 (12,5%)
Тайвань				3,2 (12,9%)	
Индия	2,2	0,6		0,5	2,9
Япония	7	2,1		9,4 (37,8%)	11,7 (8,6%)
Южная Корея				2,6 (10,4%)	17,8 (13%)
Сингапур	1,7	10,5 (6%)			
Таиланд				0,1	
Другие страны АТР	12,3	12,5			12,6 (9,3%)
Пакистан				0,1	
Всего	275,9	173,1	223	24,9	136,2

Составлено по: [BP 2019, p. 28, 41, 47].

Таблица 2 дает комплексное представление о современной ситуации в экспорте российских углеводородов и его основных географических направлениях. По состоянию на конец 2018 г. основными покупателями российской сырой нефти являются страны Европы и Китай (суммарно 81,5%), причем удельный вес европейских стран превалирует (55,5%). Российские нефтепродукты востребованы также значительно больше всего в Европе (65%). Природный газ по трубопроводам из России закупается в основном также странами Европы (86,9%) и странами СНГ (13%), что объясняется имеющимися трубопроводными соединениями. Сжиженный природный газ (СПГ), который, как планировалось, сыграет существенную роль в диверсификации экспорта российских энергоносителей на восточном направлении, безусловно, оправдывает эти надежды (так, 66,3% российского экспорта СПГ в 2018 г. закупили такие страны АТР, как Япония, Южная Корея, Китай, Тайвань), однако и в Европе он тоже нашел спрос (27,3%). Это показывает, что на практике публичные дискуссии, развиваемые западными политиками относительно потенциальной опасности так называемого российского «энергетического шантажа» в адрес Европы и необходимости сокращать высокую долю российских энергоносителей в энергетических корзинах европейских стран, зачастую носят не более чем популистский характер и на практике. Россия не так давно – порядка десятилетия назад – вышла на мировые рынки с новым для себя видом энергетической продукции, СПГ, страны Европы оказались готовы закупать и его тоже. Так же дело обстоит с экспортом российского угля: 48,5% всех поставок его на внешние рынки закупают страны Европы, 43,4% – страны АТР. Здесь России удалось добиться практически оптимально сбалансированного экспорта на западном и восточном направлениях. Во многом на это повлияла целенаправленная стратегия переориентации рынков отечественных угольных компаний. Так, угольный и металлургический гигант «Мечел» планирует направлять в Азию до 70% своего экспорта. Основным азиатским покупателем угля станет, скорее всего, Китай, который становится крупнейшим мировым импортером коксующегося угля, перевозимого по морю, опережая в этом Японию. Запуск железной дороги между Россией и китайской провинцией Дзилин в 2013 г. упрощает транспортировку. Так, из 8,3 млн т угля (экспорт «Мечела» в Азию в 2013 г.) 6,5 млн т направлено в Китай [Мечел 2013]. Тем не менее Япония остается перспективным партнером в области продаж и маркетинга угля, реализации инвестиционных проектов. Это подтверждает подписанный еще в 2009 г. меморандум о сотрудничестве между «Мечелом» и японской Mitsui & Co [Мечел 2009]. Китай, Япония и Южная Корея – основные азиатские рынки сбыта угля этого предприятия. Это также вектор движения экспорта российской угольной индустрии, так как на традиционных европейских рынках усиливается конкуренция со стороны американских экспортеров угля.

Исходя из проведенного сопоставительного анализа новейших статистических данных, актуальных на конец 2018 г., можно сделать вывод, что страны Европы остаются важнейшими покупателями российских энергоносителей – причем это касается всех поставляемых Россией на внешний рынок углеводородов. Минимальная доля Европы в их закупках приходится на СПГ, то и она составляет практически одну треть. Страны АТР не закупают российский трубопроводный природный газ вовсе, однако стали активными и значительными потребителями российского СПГ, активно закупают российский уголь (даже такие угледобывающие страны, как Китай), заинтересованы в доступе к российской нефти.

Выводы

В XXI в. Россия последовательно реализует стратегическую задачу выхода и закрепления на энергетических рынках стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Это представляется целесообразным и выгодным экономически ввиду их растущего энергопотребления и увеличивающегося спроса, который азиатские страны предъявляют в мире на энергоресурсы. Особенно данное утверждение актуально для государств Северо-Восточной Азии: Японии, Китая, Южной Кореи. Эти государства располагают большими финансовыми ресурсами и являются крупными импортерами энергоресурсов на мировых рынках, поэтому наращивание энергетической торговли с Россией, ищущей дополнительные рынки сбыта, представляется взаимовыгодным и комплементарным. Помимо этого, расширение торговли энергоресурсами именно со странами АТР дает новые стимулы для модернизации и технологического обновления российского ТЭК. Так, необходимость поставлять в Японию природный газ только в сжиженной форме предопределила передачу Японией в Россию технологий сжижения природного газа в 2009 г. в рамках крупного энергетического проекта.

Вместе с тем можно сказать, что в XXI в. (особенно в его первой декаде), и для России и для стран АТР налаживание, точнее расширение, сотрудничества в сфере энергетики воспринималось скорее как некий «задел на будущее», учитывая, что у каждой из сторон есть собственный круг поставщиков (например, Япония традиционно закупает нефть в странах Ближнего Востока, а природный газ – в Австралии, Малайзии и Индонезии; что касается России, то, как было показано в статье, основными покупателями ее энергоресурсов десятилетиями остаются страны Европы).

Однако к концу второй декады XXI в. российско-азиатская торговля энергетическими ресурсами из категории «задела на будущее» уверенно переходит в категорию полноправного и обширного партнерства. Так, доля экспорта российского угля в АТР всего на несколько процентов меньше доли

поставок этого энергоносителя в страны Европы; по объему торговли СПГ страны АТР значительно перевешивают европейские страны в корзине покупателей российского газа.

Анализ официальных стратегий развития российского ТЭК показал, что восточное направление вплоть до 2035 г. (вероятно, и впоследствии) останется важнейшим направлением внешнего энергетического сотрудничества России. Страна намерена последовательно расширять объемы энергетического экспорта в АТР и заинтересована в получении инвестиций из стран региона в свои энергетические проекты. Однако данный документ оставил без ответов серьезные вопросы, которые требуют пристального внимания властей, формулирующих энергетическую политику России, – в частности вопрос о том, не приведет ли энергетический экспорт к чрезмерно расточительной добыче национальных энергоресурсов и еще более скорому их исчерпанию. Энергетическая стратегия на период до 2035 г. не содержит конкретно сформулированных мер, которые предлагается реализовать для того, чтобы избежать кризиса в энергетическом секторе России в течение ближайших десятилетий.

Библиография

Доклад о реализации Энергетической стратегии России на период до 2030 года по итогам 2018 года // Министерство энергетики Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (Дата обращения: 29.07.2019.)

«Мечел» объявляет о подписании меморандума о сотрудничестве с Mitsui & Co // Мечел. 2009. 10.08. URL: <http://www.mechel.ru/press/press?rid=25062&oo=1&fnid=68&newWin=0&a page=14&nm=106978&fxsl=view.xml> (Дата обращения: 30.08.2019.)

Энергетическая стратегия России на период до 2030 года // Министерство энергетики Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (Дата обращения: 02.09.2019.)

Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года // Министерство энергетики Российской Федерации. Официальный сайт. URL: http://www.energystrategy.ru/ab_ins/source/ES-2035_09_2015.pdf (Дата обращения: 29.07.2019.)

BP Statistical Review of World Energy 2019. 2019. 62 p. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf> (Date of access: 23.08.2019.)

Calder Kent E. Energy and Regional Cooperation in Northeast Asia // Regionalism in Northeast Asia: Opportunities and Challenges. Sejong: Korea Institute for International Economic Policy, 2005. 135 p.

Zaitsev V. The Northeast Asia Energy and Environmental Cooperation: Russian Approach // NIRA research output. 2000. Vol. 13. No. 1. 62 p.

References

BP Statistical Review of World Energy 2019. 2019. 62 p. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf> (Date of access: 23.08.2019.)

Calder Kent E. Energy and Regional Cooperation in Northeast Asia. Regionalism in Northeast Asia: Opportunities and Challenges. Sejong: Korea Institute for International Economic Policy, 2005. 135 p.

Energy Strategy of Russia until 2030. Ministry of Energy of the Russian Federation. Official website. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (Date of access: 02.09.2019.) (In Russ.)

Energy Strategy of the Russian Federation for the Period until 2035. Ministry of Energy of the Russian Federation. Official website. URL: http://www.energystrategy.ru/ab_ins/source/ES-2035_09_2015.pdf (Date of access: 29.07.2019.) (In Russ.)

«Mechel» announces the signing of a memorandum of cooperation with Mitsui & Co. 2009. 10.08. URL: <http://www.mechel.ru/press/press?rid=25062&oo=1&fnid=68&newWin=0&apage=14&nm=106978&fxsl=view.xsl> (Date of access: 30.08.2019.) (In Russ.)

Report on the implementation of the Energy Strategy of Russia for the period up to 2030 following the results of 2018. Ministry of Energy of the Russian Federation. Official website. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (Date of access: 29.07.2019.) (In Russ.)

Zaitsev V. The Northeast Asia Energy and Environmental Cooperation: Russian Approach. NIRA research output. 2000. Vol. 13. No. 1. 62 p.